

ДЕВЧОНКА С УЛИЦЫ ПОПЕРЕЧНОЙ

«Нам в 43-м выдали медали и только в 45-м паспорта...». Эти строки из стихотворения поэта-блокадника Юрия Воронова могли бы послужить эпиграфом к жизни гомельчанки Неонилы Яськовой. Встретив войну 14-летней девчонкой, она без раздумий и колебаний с первых же дней оккупации включилась в подпольную работу. Неонила Петровна — одна из немногих оставшихся в живых гомельских подпольщиков, кто помнит легендарного комсомольского вожака Ивана Железнякова, в группу которого она входила. В канун 73-и годовщины освобождения Гомеля от немецко-фашистской оккупации Неонила Яськова поделилась с читателями нашей газеты своими воспоминаниями.

ЗЕНИТКА РАЗДОРА

— Перед войной я училась в средней школе №6, которая тогда называлась железнодорожной. Там же учился и Ваня Железняков, правда, был он постарше. Ещё до прихода немцев Ваня с друзьями задержали подозрительного человека, как позже оказалось, парашютиста-диверсанта в нашей форме, и сдали его в милицию. Там ему предложили создать молодёжную подпольную организацию. Было это нетрудно, потому что все мы дружили, жили по соседству на улице Продольной (ныне Джураева) и прилегающих улицах Залинейного района. Более того, Ваня мне приходился каким-то дальним родственником.

Никто никакой конспирации нас не учил. Только Ваня как-то предупредил, чтобы не болтали лишнего и не задавали вопросов. «Меньше будете знать — дольше проживёте!». Вот и весь инструктаж. Сам Ваня с кем-то из старших был связан, но с кем конкретно, мы не знали.

Общались только с теми, с кем в школе учились. Я знала только несколько человек, которые жили поблизости: Лёву Радевича, Мишу Табанькова, Мишу Мартынова, сестёр Железняковых — Алёну, Машу и Олю. Реже общалась с Петей Степанцовым, Ваниным лучшим другом. Они и погибли вместе.

Когда пришли немцы, нам поручили собирать данные о частях, квартировании, вооружении. У нас за домами, на огородах, немцы установили зенитную батарею, защищавшую небо над железнодорожной станцией. И мы долго думали, говорить об этом в донесениях или нет. Хоть и молодые, а понимали, что данные эти уходят к партизанам, а от них поступают командованию Красной армии. А ну как свои же бомбить начнут, да в дом попадут? Спорили до хрипоты, но всё же решили ничего не скрывать — победа над врагом важнее нашего благополучия. Тем более что Продольную советская авиация и без нас бомбила вдоль и поперёк — рядом же депо и пути железнодорожные. После войны долго ещё воронки на огородах оставались.

Главной нашей задачей было написание и распространение листовок с информацией о том, что происходит на фронте в действительности. Потому что немецкой пропаганде не верили, а других источников информации у людей в оккупации не было.

Данные получали от нашего учителя физики Швадренова Ивана Ивановича. С началом войны сначала наши, а потом и немцы приёмники у всех изымали. А он собрал из припрятанных деталей и слушал сводки Информбюро из Москвы.

У меня родители учителями были, у них оставались чистые тетради. Вот из них мы вырывали листки и делали листовки. Тексты писали от руки, в конце обязательно добавляя что-нибудь от себя. Вроде «Смерть

оккупантам!», «Пусть содохнут предатели!». Такие листовки на свой страх и риск мы бросали в почтовые ящики полицаев и тех, кто добросовестно служил новой власти.

О том, что немцы запросто могут вычислить нас по почерку, мы даже не задумывались. Тем более что листовки эти не немцам предназначались, а нашим гражданам, чтоб брехне фрицевской не верили. Когда началось контрнаступление под Москвой и мы узнали о том, что немцы отступают, радости нашей не было предела. Большого труда стоило взять себя в руки и не делиться этой новостью с первым встречным. Зато какими печальными стали оккупанты в те дни — не передать словами. Они ж направо и налево ввали, что и Москву уже взяли, и собрание там провели, и всю советскую верхушку расстреляли. А тут такое!

Самое интересное, что страха у нас тогда не было. Он позже пришёл, когда после освобождения выяснилось, что фашистские изверги творили с теми, кто в их лапы попал. Вспоминать страшно... Ваню Железнякова, когда эксгумацию делали для перезахоронения, из расстрельной ямы всего седого достали, избитого, искалеченного. Да и другие не лучше были.

А тогда мы очень гордились, что в той, первой победе над гитлеровцами, есть и какой-то наш вклад. Пусть мизерный, пусть едва заметный, но наш.

РАБОТА НА ОККУПАНТОВ

— К моменту освобождения Гомеля наши люди очень переменились. Ненависть к оккупантам за их зверства буквально захлёстывала каждого. Ведь, что скрывать, поначалу многие воспринимали фрицев если не как освободителей, то как представителей европейской нации. Людей цивилизованных, на низость, жестокость и бесчинства неспособных. В некоторых деревнях их даже хлебом-

солью встречали. Потому что обиженных советской властью, особенно среди пожилых людей, было много. А немцы же говорили, что они только с большевиками воюют. Многие из которых, между прочим, первыми с семьями из Гомеля драпанули, когда фронт приближаться стал. Но немцы, как выяснилось, — это одно, а фашисты — другое. Этим людоедам всё равно было, кто перед ними: коммунист, еврей, женщина, ребёнок...

Мы же, молодёжь, были с малолетства воспитаны в духе патриотизма, нас всегда учили, что наш народ ещё никому не покорялся. Поэтому мы всячески и пытались немцам насолить, хоть мышью дохлую в еду подкинуть. До поры до времени мы плохо отдавали себе отчёт, чем такие «шутки» для каждого из нас закончиться могут.

Даже подпольщиком не надо было быть, чтобы в плену оказаться. Немцы часто устраивали в городе облавы, хватали молодых людей и отправляли их на работы в Германию. Чтобы этого избежать, мы решили устроиться на работу в их госпиталь. Выгодно это было со многих точек зрения: и в Германию не отправят, и медикаментами партизан снабжать можно было, и разговоры раненых подслушивать. По ним и судили о настроении немецких солдат. Некоторые наши девчонки, как Люда Захарова, работали в железнодорожном депо, где тоже добывали для партизан и Красной армии важную информацию.

О том, что на работу к немцам мы устроились по заданию подполья, наверняка знали те, кому положено. Ваня, наверное, постарался. Потому что после того, как немцев прогнали, нас ни НКВД, ни «Смерш» не трогали. Наоборот, даже в комсомол приняли, мы ведь перед войной по малолетству вступить не успели.

ЕЩЁ Б ЧУТЬ-ЧУТЬ...

— Между прочим, Ваня Железняков тоже работал на железной дороге путейцем, более того, был с некоторыми простыми немецкими солдатами в приятельских отношениях. Когда его арестовали, они даже в гестапо ходили, просили, чтобы его освободили. Ну не могли они поверить, что этот общительный доброжелательный парень против них диверсии совершал. А насолили наши ребята немцам немало: и паровозы взрывали, и станки в мастерских ломали, и телефонную связь нарушали.

Ваню Железнякова гестаповцы арестовали в сентябре 1943 года, ровно за два месяца до освобождения Гомеля. Арестовали по чьему-то доносу. Поговаривали, что полица, который жил по соседству. Он что-то заподозрил и сообщил немцам. Мы видели, как Железнякова вместе со Степанцовым немцы увозили на машине, он нам даже кивнул на прощанье. Честно говоря, испугалась я очень. В народе уже знати, как немцы пытать умеют, не каждый взрослый выдержит. А тут паренёк 19-летний.

О том, что мы с подругами занимаемся очень рискованными делами, мои родители если и не знали точно, то догадывались. Поэтому после ареста Железнякова посоветовали мне какое-то время пожить у соседей и дома носу не казать. Только с годами я поняла, как они рисковали. Ведь если б гестаповцы за мной приехали и дома не застали, они бы родителей с собой увезли. И наверняка бы расстреляли. Именно так произошло с родителями нашей связной из партизанского отряда, что в Лещинце базировался, Лилей Семеновской.

Между прочим, партизаны и подпольщики пытались Ваню Железнякова выкупить у немцев. Это иногда практиковалось, надо было только найти подходящего охранника,

способного за деньги и золотые украшения вывести нужного человека из тюрьмы. Среди немцев и даже полицаев таких немало было. Обычно это делалось так: охраннику давали золото, и он, выводя арестантов на обязательные работы, устраивал побег.

С Ваней Железняковым не получилось. Охранник, с которым была предварительная договорённость, по каким-то причинам на встречу в условленное место не пришёл. А договариваться с другим у гомельских подпольщиков уже не было времени: понимая, что город вот-вот придётся оставить, фашисты всех, кого держали в тюрьме, вскоре расстреляли.

26 ноября на нашей улице появились первые советские солдаты. Честное слово, мы поначалу, когда их увидели, настоящий шок испытали. Грязные, оборванные, кто в телогрейке, кто в женском жакете, кто в шинели. Но счастливые! Мама моя, увидев такого бойца, руки к груди прижала и спросила у него: как же, мол, вы фрицев гоните, такие разутые-раздетые, да со старыми винтовками на плечах? Немцы же холёные ходили, себя всегда в порядке содержали. А вооружение какое у них было — ого!

Ты, мать, ответил солдат, на нас не смотри, мы штрафники. А вот за нами регулярная армия придёт, тогда увидишь: 41-й год больше не повторится. И правда, вскоре город заполонили солдаты в белых полушубках, во всей амуниции, с автоматами да пулемётами. На плечах непривычные для нас погоны со звёздами. А техники сколько нагнали — жуть. «Катюши», которых фрицы как огня боялись, чуть не у каждого дома стояли. Словом, мощь чувствовалась несокрушимая. И мы безумно гордились, что в этой победе есть и доля нашего участия.

Александр ВСЕЕНКО